

МЫСЛИ О «СЕРЬЕЗНОЙ» И «ЛЕГКОЙ» МУЗЫКЕ

Мир прекрасного
доступен
каждому

И еще потому я так полемически заостряю вопрос, что нет-нет да и раздастся голос какого-нибудь любителя «стильной» музыки, самозванно выступающего от имени всей молодежи с призывом сдать в архив серьезное искусство, оставив на идейном вооружении, скажем, один только

М. ЧУЛАКИ,

секретарь Союза композиторов РСФСР

ЗАДУМЫВАЛИСЬ ли вы над тем, какую роль в жизни людей играет музыкальное искусство? Ведь музыка в различных ее проявлениях сопровождает человека буквально на каждом шагу, формирует его настроение, украшает быт. Это тем более очевидно в наше время, когда для того, чтобы слушать музыку, не обязательно идти в театр или в концерт — каждый, пользуясь благами современной техники, может с легкостью извлечь волшебное искусство звуков из эфירה, магнитофонной ленты, грампластинок.

Из числа многообразных свойств и предназначений музыки наиболее понятны те, что связаны с отдыхом и развлечениями: наоборот, так называемая «серьезная» музыка доступна бывает не каждому. Полбеды, если в подобных случаях, оправдывая свою неохоту слушать «серьезную» музыку, ссылаются на недостаточную подготовку, отсутствие свободного времени, усталость — было бы доброе желание, а вкус к прекрасному можно и должно развивать! — хуже, когда человек «принципиально» отрицает «всякие там симфонии», выключает радио или телевизор всякий раз, когда встречается с неведомым ему искусством.

НАЧАВ разговор о «серьезной» музыке, я хотел бы сразу же ответить на вопросы, которые предвижу в связи с тем, что высказанными мыслями.

Вкус к прекрасному! Разве только применительно к «серьезному» искусству можно говорить о прекрасном? И является ли принадлежность к «серьезной» музыке сама по себе гарантией этого прекрасного?

Разумеется, нет. Существует немало музыки скучной и серой, которая под видом «серьезной» звучит в концертах и в эфире. В то же время иная развлекательная миниатюра отличается подчас такой красотой и изяществом, таким совершенством, что ее без колебаний можно причислить к подлинным шедеврам.

Не оговорка ли, что для восприятия и понимания явлений музыкального искусства нужна какая-то специальная подготовка? Не служит ли такая постановка вопроса оправданием непонятности самих произведений «серьезной» музыки для многих?

Опять-таки нет. Ведь специальная подготовка нужна для восприятия и понимания не одной только музыки, но и литературы, живописи, скульптуры и иных проявлений сложной духовной деятельности человека. При этом — и это очень важно — изучение литературы и искусства заключается не столько в приобретении суммы знаний, сколько в воспитании вкуса, выработке критерия: что хорошо и что плохо. Другими словами, приобщение к прекрасному обогащает и возвышает человека и, главное, будит в нем художника.

И наконец: всем ли доступно искусство вообще? Не является ли способность чувствовать и понимать его особым даром, встречающимся у сравнительно небольшой категории от природы им наделенных людей?

Безусловно, нет. Я глубоко убежден, что от природы едва ли не каждый человек одарен в художественном отношении. Посмотрите на детей: с самого раннего возраста они испытывают настоятельную потребность петь, танцевать, строить, лепить, рисовать. Задача состоит в том, чтобы развить заложенные в каждом ребенке способности, не дать им заглухнуть.

«СЕРЬЕЗНАЯ» музыка принципиально ничем не отличается от других жанров музыкального искусства. Иногда даже бывает

затруднительно провести грань между «серьезной» и «легкой» музыкой. Ведь действительно, слушая, например, вальсы — из 5-й симфонии Чайковского или Фантастической симфонии Берлиоза, тем более какую-нибудь живую и остроумную оперную увертюру Россини, не говоря уже о балетной музыке, часто исполняемой на симфонической эстраде, можно мысленно перекинуть мостик к вальсам, маршам и полкам Штрауса, а затем и к более простым образцам бытовой развлекательной и танцевальной музыки (еще раз напоминаю: речь идет о музыке высокого вкуса).

И все-таки между «легкой» и «серьезной» музыкой есть некое качественное различие, которое на первый взгляд определяется, грубо говоря, наличием или отсутствием служебной, вспомогательной, прикладной по отношению к быту функции музыкального искусства. Где-нибудь на танцевальной площадке тот же вальс из 5-й симфонии Чайковского был бы по меньшей мере неуместным, хотя бы потому, что вряд ли кто захотел бы следовать его сложным ритмическим построениям! Или: нелепо было бы в кафе или в ресторане насыщаться под звуки увертюры Бетховена. Звуковые контрасты, мощные нагнетания и спады напряжений, интенсивная разработка — все это противоречило бы отдыху, мешало бы беседе в компании друзей...

Легкая музыка не вынуждает слушателя напряженно следить за сложными, а часто и длительными перипетиями развития музыкальных мыслей. Иногда она становится как бы фоном, звуковой настройкой — веселой или меланхолической, лирической или сентиментальной, от слушания которой можно на какой-то срок отвлечься, а затем вновь в нее погрузиться, не потеряв путеводной нити. Всем знакомо то удовольствие, которое доставляет, скажем, духовая музыка в садах, в парках, на катках. Ее приятно слушать не только сидя у эстрадной раковины, но и гуляя по аллеям сада, беседуя со спутниками, встречаясь со знакомыми...

Не то с «серьезной» музыкой — ее нужно слушать совершенно иначе, ничем не отвлекаясь, не пропуская ни одного звука, ибо она бывает максимально освобождена от всяческих служебных, вспомогательных по отношению к быту функций. Она отражает жизнь в наиболее обобщенной, **непредметной** форме, не сет в себе мысли и чувства, которые трудно передать словами.

«Серьезной» музыке по плечу большие философские темы. Вспомним такие грандиозные концепции, как, например, Радость и Братство человечества (9-я симфония Бетховена), борьба Человека против безжалостного Рока (6-я симфония Чайковского), борьба сил Прогресса и Ракета против темных сил фашизма (7-я симфония Шостаковича) и еще множество других.

И хотя, как я уже указывал, инструментальная музыка в высшей степени обобщенна, непредметна, существует, однако, немало «опознавательных знаков», выработанных в ходе исторического развития музыкального искусства, которые в какой-то мере восполняют эту непредметность. Всякий отличит птичье щебетание, сладкое соловьиное пение от отдаленных раскатов приближающейся грозы, а тем более от мощных ударов, столь характерных для батальной музыки. Нетрудно уловить разницу между идиллической прогулкой на медленном покачивающейся лодке и бешеными ритмами погони и так далее.

Таким образом, музыка выработала ряд бесспорно общеизвестных ассоциаций и

аналогий, заимствовав их из окружающего нас мира звуков: тут и ритмы танцевальной бытовой музыки, и обороты знакомых всем песен, и звукоподражания явлениям природы, и различные звуковые сигналы, и многое другое. Больше того, издавна при сочинении инструментальной музыки композиторы стали прибегать к литературным программам, призванным толкать фантазию слушателей в нужном направлении... Но все это факторы вспомогательные. Они лишь усиливают впечатление, производимое основным содержанием музыки, предмет которой — мысли и чувства человека.

ИНОГДА разницу между «легкой» и «серьезной» музыкой усматривают в составе, для которого та или другая музыка написана.

Конечно, состав оркестра играет для определения специфики жанра очень большую роль. Никому не может прийти в голову написать, например, балльные танцы, предназначенные для исполнения на танцплощадках, для большого симфонического оркестра, располагающего бесчисленными техническими и выразительными возможностями, богатейшей палитрой красок, сочетанием контрастных групп инструментов. Наоборот, джаз-ансамбль принципиально однопланов, что позволяет ему наилучшим образом доносить колкие ритмические изощренности джазовой музыки, предельно оголять излом прихотливых экзотических фраз, излагаемых солирующими инструментами.

Но в живой музыкальной практике существует бесконечное множество явлений, которые не укладываются в типовые схемы. Свидетельство тому — различные симфо-джаз-составы большинства наших эстрадных оркестров, а также значительное число произведений, сочетающих признаки «легкой» и «серьезной» музыки. Выше я уже упоминал о произведениях для симфонического оркестра, во многом приближающихся к легкому жанру, — так силен в них элемент развлекательности, в то время как сложные приемы развития и формообразования сведены к минимуму. Можно привести и противоположный пример. Рапсодия в стиле блюз («Голубая рапсодия») для фортепиано с джаз-оркестром американского композитора Гершвина — произведение сложное по форме, построенное на интенсивной разработке, многократном варьировании и расщеплении музыкальных тем...

Правильно будет заключить, что существует много ступеней перехода от «легкой» музыки к «серьезной». В сущности, лишь самые крайние явления — большие философские обобщения с одной стороны и чистая развлекательность с другой — полярно противоположны. В большинстве же случаев мы вправе говорить скорее о **мере глубины содержания и о степени сложности средств выражения** той или иной музыки. Поэтому всякий, кто захотел бы повысить свою музыкальную культуру, развить в себе вкус к «серьезной» музыке, может воспользоваться упомянутыми «ступеньками», чтобы постепенно приблизиться к большому искусству. Для этого следует правильно подобрать репертуар по принципу постепенного его усложнения, слушая музыкальные произведения по возможности в ярком, впечатляющем исполнении — ведь искусство не выносит серости, посредственности...

Нужно при этом почаще прибегать к советам знающих людей — руководителей и лекторов, а также тех серьезных товарищей-энтузиастов, для кого музыка стала насущной потребностью.

МЕНЯ могут спросить: неужели только «серьезная» музыка является эталоном высокой музыкальной культуры? Разве нельзя себе представить, что человек ограничивается привязанностью к «легкой» музыке, благодаря этой более доступной каждому и не требует столь большой затраты умственной энергии?

Хочется несколько подробнее ответить на этот далеко не новый вопрос.

Мы привыкли сознательно развивать и тренировать сферу предметного, воспритывая в себе (пользуясь терминологией недавнего общеизвестного спора) «физику», и, наоборот, недостаточно отдаем себе отчет в том, что и «лирика» также играет большую роль в духовной жизни людей.

Ведь именно гармоническое сочетание «физики» и «лирики» составляет духовное богатство человека, делает его мышление творческим, неизмеримо более высоким. Правда, некоторые либеральные «физики» готовы допустить наличие музыки, однако чисто служебного порядка,

ка, не претендующей на сколько-нибудь самостоятельное значение. В часы отдыха потанцевать под музыку, — пожалуйста! Покурить болат с друзьями, когда из репродуктора чуть доносится приглушенный звуковой фон, очень приятно! И даже посетить эстрадный концерт, прослушать ряд песенок про «встречи и расставания» — почему бы нет? Но от больших чувств, глубоких идей — нет уж, увольте! И кто это выдумал, что музыка в каких-то там звуковых образах отображает окружающую нас действительность?

Я не хочу, чтобы меня подозревали в не любви к легкой, развлекательной музыке, напротив, я ее горячий поклонник и считаю, что без искусства, украшающего быт, легкого и изящного, жизнь стала бы значительно скучнее. Больше того, хорошая легкая музыка в первую очередь формирует вкус человека, ибо она повседневна.

Но вместе с тем развлекательная функция музыки — это лишь одна сторона предназначения музыкального искусства.

И я потому так настойчиво возвышаю свой голос, призывая овладеть высотами музыкального искусства, что именно в «серьезной» музыке концентрируется основное ее богатство, именно в этой области человечество накопило непреходящие ценности, которым мы ныне наследуем и которые умножаем.

Конечно, вкусы бывают разные, и каждому вольно любить то, к чему у него наибольшие склонности. Но нельзя отрицать того, что не знаешь, нельзя отбрасывать огромное и богатое целое, оставляя лишь искусственно изолированную его часть! Кто бы рискнул выступить в наши дни по адресу, скажем, литературы с утверждением, что следует читать лишь юмористические рассказы и анекдоты или же детективы, а, дескать, разные там повести и романы, драмы и трагедии современные и классические способны лишь засорить мозги молодому поколению? Такой случай практически немислим именно потому, что худо ли, хорошо ли, но литература систематически изучается со школьной скамьи, в то время как музыка находится пока еще в сравнительно невыгодном положении: о ней знают меньше, особенно в среде молодежи.

ОДНОВРЕМЕННО, чтобы в свою очередь не быть односторонним и всеми силами содействовать росту и обогащению «легкой» музыки, я заканчиваю наш разговор и спешу принять участие в работе пленума Союза композиторов РСФСР, посвященного песне и легкой развлекательной музыке.